
Элиза Ланган

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В США: ИЗМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Статья поступила
в редакцию
в декабре 2007 г.

В защиту американского высшего образования / под ред. Ф.Г. Олтбаха, П.Дж. Гампорт, Д.Б. Джонстона (In Defense of American Higher Education / ed. by P.G. Altbach, P.J. Gumpert, D.B. Johnstone. The John Hopkins University Press, 2001).

Американское высшее образование в XXI веке / под ред. Ф.Г. Олтбаха, Р.О. Бердаля, П.Дж. Гампорт (American Higher Education in the 21st Century / ed. by P.G. Altbach, R.O. Berdahl, P.J. Gumpert. The John Hopkins University Press, 2005).

В сборниках «В защиту американского высшего образования» и «Американское высшее образование в XXI веке» вузовская система рассматривается с разных точек зрения. Среди прочих принимаются во внимание следующие факторы: вызов со стороны технологического развития, процесс обучения, исследовательская установка, влияние коммерческих «университетов» (кавычки мои. — *И.Ф.*), значимость традиции «свободных искусств» в постмодернистском обществе, галопирующий рост стоимости обучения, сокращение государственного финансирования, понятие «подотчетности», использование преподавателей с неполной нагрузкой для снижения затрат, потребность в инициативном лидерстве, институциональная адаптация к XXI в. Участники сборника «В защиту американского высшего образования» относятся к перспективам академии более оптимистично, чем авторы «Американского высшего образования в XXI веке»: они видят в американской системе непревзойденную модель, которая продолжает воодушевлять работников сферы образования во всем мире. В статьях первого сборника представлены как либеральная, так и традиционная точки зрения. Критики слева утверждают, что американские университеты по большому счету потерпели поражение в попытках покончить с расовым, классовым и гендерным неравенством, в то время как критики справа сетуют на эрозию западного образова-

¹ Langan E. American higher education: The evolving vision //Book Review. Higher Education Policy. 2006. Vol. 19. P. 495–499 (пер. с англ. И. Фридмана). <http://www.palgrave-journals.com/hep/journal/v19/n4/full/8300137a.html>



тельного канона под давлением со стороны разного рода меньшинств. Как бы то ни было, по мнению редактора сборника Филипа Олтбаха, американские академические институты остаются безусловными мировыми лидерами — главным образом потому, что Соединенные Штаты были первой страной, взявшей курс на массовость высшего образования и всеобщий доступ к нему. В соответствии с этой установкой они были вынуждены заниматься «академическим обустройством» большого количества студентов, развивая в то же время оригинальные и, что немаловажно, репродуцируемые организационные методы и процессы отбора. Американский университет — этот колосс, представляющий собой огромную систему, которая дает образование приблизительно пятой части студентов всей планеты и осваивает львиную долю мировых затрат на исследования и развитие, — многим обязан европейским влияниям (особенно английской традиции «свободных искусств» и немецкой исследовательской парадигме), без которых было бы немыслимо его нынешнее величие. Олтбах утверждает, что, хотя академические факультеты разрываются от внутренних противоречий, в них, тем не менее, господствует атмосфера, обеспечивающая более высокий, чем в других странах, уровень демократизма и личной инициативы; впрочем, автор не проводит конкретного сравнительного анализа. В ответ на критику «системы бессрочных контрактов» (*tenure*) Олтбах указывает, что путь американского преподавателя к должности, предусматривающей пожизненный наем с высокой зарплатой, более длителен и нередко мучителен, чем в прочих системах; в результате вузы США по праву славятся талантливым и высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом. Олтбах считает, что, несмотря на давление извне, заставляющее профессоров уделять основное внимание исследовательской деятельности (в ущерб процессу обучения), в образовательной системе США происходят переоценка ценностей и перераспределение приоритетов: процесс обучения снова приобретает ту роль, которую он сыграл в успехе американского вуза как общественного института.

В «Американском образовании в XXI веке» (опубликованном всего лишь четыре года спустя) Олтбах и его соавторы настроены куда менее благодушно по отношению к текущей практике, которая, по их мнению, подрывает автономию американского высшего образования. Роберт М. О'Нил осуждает предпринятые после событий 11 сентября меры, изменившие взаимоотношения между правительством и университетом: он видит в них новое проявление духа эпохи маккартизма. О'Нила беспокоит то обстоятельство, что в настоящее время правительство может запретить публикацию исследований, если они затрагивают темы, представляющие ему слишком «чувствительными» (*sensitive*); в результате некоторые ученые предпочитают отказаться от правительственного финансирования, не желая брать на себя «обязательства по неразглашению». «Патриотический акт» позволяет представителям пра-



воохранительных органов отсеивать «неудобный» (кавычки мои. — *И.Ф.*) материал, перекрывая доступ к нему посетителям библиотек и книготорговцам. Кроме того, ученые из стран, считающихся особенно «сомнительными» (большинство из них расположено не на Ближнем Востоке), потеряли возможность вести в Америке исследования в определенных областях. Еще более тревожным представляется тот факт, что иностранцы-выпускники вузов сталкиваются теперь с трудностями при поступлении в аспирантуру в Америке — главным образом из-за неспособности Госдепартамента США разработать эффективную визовую систему для зарубежных студентов, не говоря уже о препятствиях, чинимых Министерством внутренней безопасности. В результате американские университеты теряют талантливых молодых людей, «уступая» их Англии, Австралии, Германии и Японии.

Еще одна тенденция в высшем образовании США состоит в том, что институты становятся все более специализированными, стремясь приспособиться к изменяющейся конъюнктуре на рынке труда, т.е. к насущным потребностям экономики. Не случайно многие выпускники вузов самых разных возрастов возвращаются в университеты, чтобы пройти там курсы переподготовки или повышения квалификации, в связи с чем на институты возлагаются дополнительные обязанности: не только обеспечить реализацию той или иной программы обучения, но также удовлетворить потребительские запросы и ожидания учащихся. Студенты рассчитывают на то, что американские институты предоставят им все необходимые удобства и достойный сервис — словом, определенное качество жизни, — причем по низкой цене. Этим объясняется успех заочного обучения (*distance learning*), культивируемого в *University of Phoenix*, «одном из крупнейших частных колледжей в Америке», в котором учатся одновременно более 70 тыс. студентов. Представленный на фондовом рынке *NASDAQ*, этот коммерческий колледж наделен полномочиями выдавать дипломы от младшего специалиста¹ до магистра, а в ближайшем будущем получит возможность присуждать и докторскую степень. В результате даже самым престижным американским институтам приходится теперь принимать в расчет те конкурентные преимущества и удобства, которые предоставляет заочная форма обучения. Профессор Артур Левин, президент Педагогического колледжа при Колумбийском университете (*Teachers College at Columbia University*), подчеркивает, что традиционные университеты не могут себе позволить игнорировать технологическую революцию в высшем образовании, и ссылается на феноменальный успех Билла Гейтса, в свое время исключенного из Гарварда, а впоследствии «отомстившего» третиравшим его британским снобам, издав чрезвычайно популярную CD-ROM-версию *Encyclopedia Britannica*. Все авторы сборника

¹ Associate degree — степень, присуждаемая в колледжах США после двух лет обучения и позволяющая продолжить обучение для получения степени бакалавра. — *Примеч. пер.*



согласны с тем, что веб-сайты никогда не заменят хороших профессоров, поскольку только ученые, внесшие свой неоценимый вклад в науку, могут привить студентам подлинный вкус к исследовательской работе и интеллектуальной деятельности. Кроме всего прочего, технология принудила профессоров считаться с ожиданиями студентов, убежденных в том, что учеба должна быть занимательной. Студенты приходят в аудиторию с портативными компьютерами и переключаются на Интернет, если лекция их не увлекает. В этом «отважном новом мире» преподаватель, желающий обеспечить своим занятиям успех, вынужден готовиться к докторским курсам, как к эстраднему представлению. Ставшее обязательным анкетирование, выявляющее оценку курсов учащимися, содействовало легитимизации студента как потребителя.

В «Американском высшем образовании в XXI веке» два автора, Фрэнк А. Шмидтлайн и Роберт О. Бердаль, рассматривают вопрос о возрастающей роли «подотчетности» (accountability) в академии — этот феномен проник и в Европу через Болонскую декларацию. Авторы констатируют, что американские государственные институты вынуждены теперь отчитываться за услуги, оказываемые государству и местным властям, возлагая на себя ответственность перед теми, кто оказывает им экономическую поддержку. Ситуация осложняется в тех случаях, когда институтам приходится решать, чьи интересы должны быть удовлетворены в первую очередь. Принимать подобные решения крайне трудно из-за постоянно возрастающей потребности в курсах переподготовки; три четверти американских кампусов предлагают курсы повышения квалификации 30% своих студентов. Таким образом, хотя американское экспертное сообщество высоко оценивает роль и значение образования в духе «свободных искусств», администрация вузов вынуждена пересматривать его значимость в сторону уменьшения. Если не считать самых богатых колледжей (таких, как Гарвард, имеющий фонд в размере 29 млрд долл., что позволяет ему осуществлять бесплатное обучение малоимущих студентов), условия доступа к высшему образованию в Америке в конце XX в. изменились из-за перераспределения денежных фондов. Скучные средства, предназначавшиеся студентам из малообеспеченных семей, были переданы учащимся, хорошо зарекомендовавшим себя в академическом плане. Основные правительственные средства, выделяемые на помощь университетам, теперь уже не предназначаются для малоимущих; из-за изменений в налоговом законодательстве они достаются представителям среднего класса и его верхушки в форме стипендий, выделяемых в соответствии с GPA¹, например в качестве «стипендии надежды» (Hope Scholarships). Ами Зусман, один из авторов сборника, искусно анализирует эту новую практику, показывая, в какой мере она маргинализирует студентов — представителей меньшинств, поскольку финансовая

¹ Grade point average — средний балл в школе или университете. — *Примеч. пер.*



помощь выделяется теперь преимущественно в виде займов: порядок, при котором учащиеся из малообеспеченных семей чувствуют себя неуверенно и зачастую опасаются участвовать в подобных программах. Для студентов из самых нуждающихся слоев населения общая стоимость четырехгодичного обучения составляла в 2003 г. более 70% семейного дохода. Зусман установил, что государственная помощь студентам в 2004 г. была на 12% ниже, чем в 1999 г., несмотря на возросшую доходность вузов, вызванную широко распространенным мнением, что студенты должны сами оплачивать свое обучение в университетах. Зусман показывает, как государственные институты используют приватизацию для получения доходов, призванных компенсировать нехватку финансовой поддержки со стороны государства. Теперь в некоторых штатах требуют, чтобы профессиональные учебные учреждения, такие, как медицинские, юридические вузы и бизнес-школы, финансировались исключительно за счет студентов. Такой порядок влечет за собой многочисленные последствия, самое важное из которых — возврат к практике столетней давности: если еще недавно доступ в элитные колледжи был открыт для студентов из всех слоев населения, то сегодня им обладают только выходцы из привилегированных семей. Иными словами, американцы, подрывая собственные достижения, возвращаются в этом плане к давним — и далеко не лучшим — европейским традициям.

В статьях, посвященных расовому аспекту высшего образования, Чанг, Олтбах и Ломоти подчеркивают необходимость приложить дополнительные усилия для привлечения в американские университеты представителей меньшинств — афроамериканцев, индейцев и выходцев из Латинской Америки, которые, как это ни прискорбно, остаются недопредставленными в математике, химии, медицине и инженерных профессиях. Для этих групп населения характерен очень высокий уровень отсева, и лишь немногие из их представителей получают продвинутое (выше младшего специалиста) или высокопрофессиональное образование. Белые студенты составляют примерно 75% от всего корпуса американского студенчества; тем самым подтверждается наличие в США социальной стратификации, основанной на расовой принадлежности (не говоря уже о социальном и экономическом неравенстве), несмотря на политику аффирмативных действий (проводящуюся все более вяло и непоследовательно). Что касается студентов азиатско-тихоокеанского происхождения (Asian-Pacific Americans, APAs), то они составляют 5% от «университетского населения»; 55% из APAs студенческого возраста получают высшее образование — уровень, сопоставимый с положением дел среди белых. В 1980-е гг. были введены правила, обязывавшие элитные институты ограничивать прием APAs, дабы предотвратить их «чрезмерную представленность», хотя многие группы американцев азиатского происхождения, такие, как хмонги и лаосы, были (и остаются) недопредставленными. Авторы правильно делают, что подчеркивают те



трудности, с которыми сталкиваются сегодня «исторически черные колледжи и университеты» («historically black colleges and universities», HBCUs) ввиду постоянного урезания и без того скромного государственного финансирования; поэтому институты, испытывающие особенно острые финансовые трудности, — на 90% «черные». Чтобы получить достаточную финансовую поддержку, некоторые HBCUs, вынужденные подчиняться судебным рекомендациям по десегрегации, планируют диверсифицировать свой студенческий состав. В 2002 г. администрация Буша создала президентский совет по вопросу о HBCUs и призвала все исполнительные агентства, причастные к образованию, помочь выправить ситуацию. Циник мог бы увидеть в действиях Буша запоздалую реакцию на принятое в 1896 г. решение Верховного суда США о «сепаратном, но равном» образовании белых и черных студентов.

Артур Левин («В защиту высшего образования») отмечает, что правительство Соединенных Штатов понижает уровень своих взаимосвязей с высшим образованием (и соответственно ограничивает его финансирование), в результате чего оно «отдается на откуп» бизнесу, партнерство с которым чревато неизбежными конфликтами. Нужно обладать мастерством акробата, чтобы найти баланс между традиционными университетскими установками и позицией бизнеса, ориентированного исключительно на доходность. Если решить эту трудную задачу не удастся, контроль над американским высшим образованием может перейти к каким-то непонятным силам — с непредсказуемыми последствиями. Авторы констатируют, что оплата труда профессорского состава в США выше, чем где бы то ни было, однако она постоянно снижалась с 1970 г., зарплаты американских профессоров на 25% ниже, чем зарплата врачей, юристов и инженеров. Мартин Дж. Финкельштейн упоминает о том, что «профессура, занятая неполный рабочий день, может теперь стать более многочисленной, чем штатный профессорский состав» (сохранявший стабильность на протяжении последних 25 лет), но не принимает в расчет негативных последствий подобного «перераспределения кадров». Между тем оно приводит к перегрузкам временных преподавателей и в конечном счете к тому, что потребности многих студентов не получают адекватного удовлетворения.

Зусман правильно указывает (в «Американском высшем образовании в XXI веке»), что в институтах сложилась «трехъярусная» система академической «рабочей силы», что подрывает обучение в пользу подготовки публикаций. Этот факт противоречит утверждению Олтбаха о том, что институты активно ищут — и находят — пути решения этой проблемы. Хотя в его собственной статье показано, что различия в положении между постоянными и временными (tenured и untenured) кадрами достигло такой степени, что внутри академии возникли запутанные и не идущие на пользу делу иерархии. Кроме того, возросшая авторитарность администраторов привела к тому, что постоянная профессура потеряла значи-



тельную долю того влияния, которое позволяло ей ранее диктовать свои условия.

Редактор сборника Патриция Гампорт приводит данные, показывающие, что, несмотря на общее снижение уровня финансирования, федеральное правительство выделяет довольно большие средства на исследования. Гампорт проводит критический анализ исследовательских тенденций в высшем образовании и приводит любопытные цифры, касающиеся распределения ресурсов между наиболее престижными университетами: половина проводимых в США фундаментальных исследований приходится на долю университетов; две трети университетских затрат на исследования поступают от федерального правительства; половина федеральных средств, выделяемых на базовые академические исследования, поступает на счета 25 лучших исследовательских университетов. По данным, приводимым в статье Гампорт, в 1995 г. в целом на R&D¹ было выделено 171 млрд долл. Хотелось бы получить более свежие данные по этому вопросу. Результаты государственного финансирования исследовательской работы многочисленны и разнообразны; важно отметить, что распределение этих средств оказывает глубокое влияние на то, каким дисциплинам обучают аспирантов в том или ином вузе. Кроме того, федеральное финансирование исследований дает университетам возможность углубить исследовательскую и фундаментальную подготовку аспирантов, которые, в свою очередь, получают возможность проводить занятия со старшекурсниками. Майкл А. Оливас убедительно показывает, в какой степени американское высшее образование нуждается в более проработанном юридическом обосновании своей деятельности, поскольку в обществе нет консенсуса по поводу того, чем должны и чем не должны заниматься вузы.

Обе книги чрезвычайно информативны, они достаточно полно обрисовывают ситуацию, сложившуюся в американском высшем образовании. В них можно найти полезные сведения исторического характера и современную статистику; они представляют интерес как для академического, так и для «простого» читателя, словом, для каждого человека, озабоченного теми вызовами, с которыми сталкивается сегодня высшее образование в США.

¹ Research and development — научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. — *Примеч. пер.*